Ержан ЖУМАГУЛОВ

«ВРАЩЕНИЕ ПЛАНЕТЫ ПОД ДОЖДЕМ»

* * *

Булат, Олжас, Высоцкий и Ремарк,
Иосиф Бродский, с ними я, немного,
чуть подшофе, такси все – в таксопарк,
пешком тащились по ночной дороге,
сквозь мёрзлый город, что заводы грели
тлетворным дымом из курящих труб,
кварталы спали, паровозы пели,
стране металл был нужен, нам джаз-клуб,
а в промежутках, в кухонном пространстве,
прокуренном до ясности в душе,
мы с Окуджавой отвергали хамство
и верили, что рай, он в шалаше.

Тогда прораб, это теперь доцент,
но среди мыслей не бывало плоских,
бывало, что заимствовал на цент,
но не на доллар, подтвердите, Бродский!
Мы долго шли, не все прошли по ссылке,
а кто дошёл, теперь их не возьмёт,
и ни ковид, ни чёртик из бутылки,
им пофиг всё, их кризис не убьёт,
Романтики, теперь на иномарках,
пижоны с сединой и с хитрецой,
честны, спросите вы хоть у Ремарка,
Высоцкий подтвердит и даже Цой,

Спасибо вам, что были вы со мной,
мне с пишущей братвой всегда приятно,
бывает, что и с примесью хмельной,
но с вами путь был легче многократно,
Поднимем же бокалы за поэтов –
вороны белые, как пятна, на виду,
не так, как все летят, поют, и это
им не прощается в чернеющем ряду,
Известно всем, их настоящих мало,
ведь белой по желанию не стать,
их могут очернить, чтоб грязь пристала,
чтоб бесталанным громче прокричать.
Давай за них, за непохожих, смелых,
кому по силам ввысь, за облака,
за очень разных, очень, всё же, белых,
и пусть по ним равняется строка…

* * *

Время медлит, каплей из крана
не спешит потревожить дно,
в летнем парке финальный с экрана
титр объявит концовку кино,
и останется только шагами
тихо время делить в длину,
что не сказано меж словами
не сказать потом никому,
над деревьями чёрно-синий
по краям тротуара свет,
жизнь, как свет, состоит из линий,
у которых названий нет,
подавая простёртую руку,
принимая ладонь в ладонь,
мы меж линий скрестим разлуку,
а порой зажигаем огонь,
зачеркнуть, да спросить, как надо,
тех, кто знал – уже нет никого,
затянулась плющом ограда,
не осталось ни одного,
и потом не уснуть, и по кругу,
если б знать, почему и зачем,
люди снятся ночами друг другу,
позабытые насовсем,
время знает и место встречи,
и Всевышним душа прощена,
путь начертан давно, он конечен,
и разметка нанесена…

* * *

Не сговариваясь, вышли,
луна раньше, а я – чуть позже,
и смотрю – там над нею выше,
щетиною будто обросший,
небосклон в точках звёзд, проспавших
в млечном множестве взаперти,
на вопросы смертных уставших
в нём ответов нет, не найти,
там, в ночной пелене размытой
межпланетный круговорот,
брезжит свет прошлогодний забытый,
может, смысл бытия живёт.
Пробил час, и Пегас взлетает,
это вам не вагон метро,
это значит, поэты знают,
время вынуть из ножен перо,
а что выйдет, то выйдет из дома,
в небеса или просто во двор,
великаном, а может, гномом,

может, сердца чьего-то вор,
геометрий минуя споры,
споры слов, как грибов, во тьме
не подслушивая разговоры
звёзд, плетут свои макраме.
Ах вы, звёзды, субстанция света,
ни погладить, ни прикурить,
может, жить мне всего до рассвета,
сколько б ни было, надо жить …

* * *

Без драмы ясно, что черта уже близка,
гораздо ближе, чем вчера, сгорят поленья,
и стук ночного ритма у виска
выхватывает что-то из забвенья,

Там звуки прошлой жизни в прошлом мире,
звучат в ночи, за призрачным окном,
прожитое тобой в чужой квартире,
в чужой стране, в сознании чужом,

Нет, скорби нет, слышны шаги мгновений,
почти забытых слов и «да» и «нет»,
холодных пальцев лёд прикосновений,
обёрнутых в фонарный тусклый свет,

И только в детстве, каждым утром чудо,
Где все любимы и спешат понять,
Орешки, белки, лебедь ниоткуда,
И ожиданья чуда не унять,

Но ветер поменяется нежданно,
жизнь унесёт зюйд-вест или пассат,
не всё приходит то, что долгожданно,
и в том никто, никто не виноват,

Известно, молодость всё хочет сразу,
а зрелость ищет смысла там, где нет,
и не найдя, уже не верит глазу,
лишь в прошлом видит правильный ответ,

Но вызовут однажды удивленье
оркестра звуки тёплым сентябрём,
и с ними новое небес движенье,
вращение планеты под дождём.

